

От «транс-»
и «постнационализма»
к «критическому
космополитизму»:
заметки о полемике
с национализмом
в западной академии*

Владимир Малахов

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

Владимир Малахов. Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), Москва, Россия, malakhov-vs@ranepa.ru.

Данная статья предлагает обзор теоретических усилий по преодолению нациоцентризма, предпринимавшихся в разных областях социальной науки, — таких как политология, *cultural studies*, социальная антропология и макросоциология, миграционные исследования и социальная философия, — начиная с 1990-х годов. Оппонирование национализму, характерное для академической литературы того времени, велось преимущественно в эпистемологической плоскости — в рамках полемики с «методологическим национализмом». Исследователи, отстаивавшие позиции «транснационализма» и/или «постнационализма», отмежевывались от нациоцентричной оптики, поскольку она препятствовала продуктивному анализу трансформаций социальной реальности. Однако в этом отмежевании имелись идеологическая и нормативная составляющие. Национализм был для многих ученых не приемлем не только как методология, но и как мировоззрение. Поскольку основным оппонентом националистического мировоззрения выступал космополитизм, критикам национализма пришлось обратиться именно к ассоциированным с ним понятиям. Проблематичность такого обращения состоит, однако, в том, что космополитическая традиция в западной академической литературе развивалась в основном на либеральной идеологической основе. Отсюда проистекают попытки перегрузки космополитизма, результатом которой должна стать артикуляция левой повестки. В данной статье делается акцент на «критическом космополитизме». Если националистический взгляд видит условие возможности солидарности в самом факте общности, то критико-космополитический взгляд заключается в том, что солидарность может возникать из общего несогласия с угнетением (в каких бы формах последнее ни проявлялось). Сообщество, таким образом, не предшествует солидарности, а является результатом процесса ее формирования. Статья предлагает попытку осмысления возможности постнационального мира, предлагая для этого термины, позволяющие иметь дело с формированием солидарности и проблемами угнетения.

Ключевые слова: *транснационализм; постнационализм; методологический национализм; социальная солидарность; космополитизм.*

В НАЧАЛЕ 1990-х годов в словаре международной академии появилось два лексических монстра — «постнационализм» и «транснационализм». От новых слов ожидали и теоретического, и нормативного обновления. Запрос на подобное обновление был порожден ощущением недостаточности нациоцентричной оптики, которое, в свою очередь, привело к массовой критике методологического национализма в разных областях социальной науки. Однако со временем эпистемологическая ситуация изменилась. «Постнационализм» явно утратил былую популярность среди обществоведов, а «транснационализм» сумел утвердиться, по сути, лишь в одном научном направлении — социально-антропологических исследованиях миграций. Чем сейчас вдохновляются социальные ученые, стоявшие у истоков движения, которое можно обозначить как «прочь от национализма» (и как методологии, и как идеологии)? Они обращаются к словарю космополитизма. Проблема, однако, состоит в том, что этот словарь до сих пор находился в монопольной собственности авторов, глубоко чуждых повестке социальной справедливости. В качестве решения этой проблемы возник проект перезагрузки космополитизма, предполагающий радикальное переосмысление этой интеллектуальной традиции.

Данная статья структурирована следующим образом. Мы начинаем с обзора теоретических усилий по преодолению нациоцентризма, предпринимавшихся в разных областях социальной науки начиная с 1990-х годов. Затем подробно остановимся на ожиданиях, которые связывались в ту пору с «транснационализмом» и «постнационализмом». Завершает статью краткое описание проекта «критического космополитизма».

«Детерриториализируй это!», или Преодолевая нациоцентризм

Строго говоря, в общественной науке уже давно существует подход, который в принципе не может быть заподозрен в нациоцентризме. Это марксизм: его чуждую любому нациоцентризму направленность можно проследить от Розы Люксембург с ее теорией империализма до Иммануила

Валлерстайна с его теорией миросистемы. Согласно марксистам, устройство современного мира не может быть понято, если аналитики сосредотачиваются на отдельных национальных государствах, игнорируя их встроенность в капиталистическую миросистему. Однако то ли потому, что марксизм как метод, как правило, отторгается социально-гуманитарным мейнстримом¹, то ли потому, что упомянутые теории записываются по ведомству политической экономии, бурная критика нациоцентричной оптики началась в 1990-е годы как будто с чистого листа.

В 1994 году известный политолог Джон Агню выступил с программной статьей о необходимости методологического обновления своей дисциплины². Он выделил три основных — принимаемых по умолчанию — допущения этой теории: (а) территориальный суверенитет, (б) жесткий водораздел между «внутренней» и «внешней» политикой и (в) понимание государства как «контейнера» — вместилища экономической, политической и культурной власти. В современном мире, однако, происходят процессы, которые заставляют поставить данные допущения под сомнение. Во-первых, глобальная экономика делает государственный суверенитет все более условным. Кроме того, если экономика сегодня и имеет территориальную привязку, то это территория торгово-экономических блоков, а не отдельных государств. Во-вторых, глобальная публичная сфера по определению экстерриториальна. В-третьих, государства все менее успешны в навязывании своему населению единой (национальной) идентичности и вынуждены считаться с тем фактом, что их граждане формируют сообщества идентичности по иным (религиозным, этнокультурным, региональным и т. д.) линиям, не совпадающим с линиями государственных границ. Далее, когда мы смотрим на международные отношения как отношения между государствами, мы представляем себе, что государство А и государство Б вступают в отношения и *между ними нет никакого пространства*. Все, что происходит, происходит внутри государств. Но это неверно, причем не только в наши дни, — этот образ

1. См.: Кагарлицкий Б*. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2005.

* Признан иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента.

2. Agnew J. The Territorial Trap: The Geographical Assumptions of International Relations Theory // Review of International Political Economy. 1994. Vol. 1. № 1. P. 53–80.

не соответствовал реальности и прежде. Торговые договоры, общие рынки, военные союзы — вот реальность международных отношений на протяжении многих веков. Агню не иллюстрирует свои рассуждения примерами, но мы можем вспомнить хотя бы о Ганзейском союзе, существовавшем с позднего Средневековья до Нового времени и объединявшем более сотни городов и около трех тысяч населенных пунктов на обширной территории вблизи побережий Северного и Балтийского морей, от Англии на западе до Руси на востоке. Ганзейский союз был не только автономной единицей экономической деятельности де-юре, но и обладал политической автономией де-факто. В период его расцвета в XIV–XV столетиях Новгород был в экономическом отношении теснее связан с Данцигом и Брюгге, чем с Московским княжеством. Однако увидеть эту реальность мешает «территориальная ловушка». Отсюда проистекает тезис: пространство, изучать которое должна теория международных отношений, не совпадает с территорией отдельных государств. Стало быть, эту теорию нужно «детерриториализировать».

Эта теоретическая программа хорошо резонировала с тем, что происходило на тот момент в *cultural studies*. Для таких исследователей, как Ульф Ханнерц, Арджун Аппадурай или Пол Гилрой детерриториализация взгляда предполагалась сама собой. Если в привычном понимании культура представляла как некая совокупность/структура смыслов, привязанных к той или иной территории, то в новой концептуальной рамке культура понималась, скорее, как *совокупность смысловых взаимодействий глобального масштаба*. Таким образом, фокус внимания смещался с отдельных культур, отделенных друг от друга национальными границами, на мировую культуру, в мозаике которой непрерывно идут процессы переплетения смыслов³.

Другим флангом, с которого примерно в те же годы велась атака на нациоцентризм, была социальная антропология и макросоциология. Британские антропологи Линда Баш, Нина Глик Шиллер и Кристина Зантон Бланк провозгласили необходимость отказаться от «связки» социальной теории с национальным государством, сменив националь-

3. См.: Hannerz U. Cosmopolitans and Locals in World Culture // *Theory Culture and Society*. 1990. Vol. 7. № 2–3. P. 237–251. См. также: Appadurai A. Global Ethnospaces: Notes and Queries for a Transnational Anthropology // *Recapturing Anthropology* / R. Fox (ed.). Santa Fe, NM: School of American Research Press, 1991. P. 191–210; Gilroy P. Cultural Studies and Ethnic Absolutism // *Cultural Studies* / L. Grossberg et al (eds). L.: Routledge, Chapman and Hall Inc, 1992. P. 187–198.

ную перспективу исследования на «транснациональную»⁴. Правда, в тот момент этот амбициозный тезис не получил развития. Громкий призыв повис в воздухе, а сами ученые сосредоточились на эмпирической работе по изучению феномена миграции. Зато в начале 2000-х годов социолог Андреас Виммер в соавторстве с уже упомянутой Ниной Глик Шиллер предложили научному сообществу программу преодоления методологического национализма⁵. Обрисуем в общих чертах, в чем она заключалась.

«Методологическим национализмом» Виммер и Глик Шиллер называют такой способ видеть мир, при котором последний предстает как естественным образом поделенный на нации-государства. Эта оптика настолько прочно укоренилась в сознании исследователей, что кажется единственно возможной. В результате национализм как система представлений стал для ученых *невидимым*. Здесь напрашивается аналогия с методологическим индивидуализмом. Так же, как последний берет за базовую единицу анализа индивида, методологический национализм берет за такую единицу нацию-государство. Но если приверженцы методологического индивидуализма делают это сознательно, то в случае с методологическим национализмом налицо *нерефлексивная* процедура. Этот национализм невидим, ибо изначально встроен в те линзы, с помощью которых современный человек смотрит на окружающую действительность. Подобную ситуацию во многом предопределило то, что социальная наука модерна (от Вебера и Дюркгейма) была тесно связана с процессом создания наций-государств. В высшей степени неслучайно, что корифеи социологии XX века, вплоть до Парсонса и Лумана, полагали, что национализм является историческим явлением и по мере общественного прогресса («модернизации», «рационализации», «дифференциации») он будет все дальше уходить в прошлое.

Национализм оказался своего рода слепым пятном в аналитической оптике ученых, не позволявшим им увидеть *экстерриториальность феномена государства*. Этот тезис выглядит весьма смелым, если учитывать, что национальное государство по умолчанию считается если не синони-

4. Bash L. et al. Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments and Deterritorialized Nation-States. Amsterdam: Gordon & Breach, 1994.

5. См. перевод статьи, опубликованной в 2002 г.: Виммер А., Глик Шиллер Н. Методологический национализм и за его пределами: нациостроительство, миграция и общественные науки // Социология власти. Т. 33. 2021. № 2. С. 184–232.

мом территориального государства, то закономерным продуктом его эволюции. Говоря об «экстерриториальности» государств модерна, Виммер и Глик Шиллер имеют в виду сущностную связь между этими государствами и их *колониальными проектами*. Такая связь проявилась и в том, как было устроено политическое воображаемое современных государств, и в том, как в них происходили процессы *nation-building* (национального строительства, формирования нации). С одной стороны, политическое воображаемое таких стран, как Англия или Франция, определялось различием между колонизаторами и колонизированными. С другой стороны, население «национальной территории» и население колонизированных территорий находились в процессе взаимодействия. Выражением этого взаимодействия были миграции — жителей метрополии в колонии (в виде работников администрации, бизнесменов и т. д.) и жителей колоний в метрополию (в виде рабочих и/или беженцев). Но необходимых для осмысления этой связи концептуальных средств на тот момент еще не существовало. Отсюда и произошло представление, будто миграции в Европе, в противовес Америке, не играли сколько-нибудь существенной роли в становлении наций. Считалось, что европейские нации сначала сложились как гомогенные единства и лишь впоследствии к первоначальному национальному ядру присоединилось приезжее население.

Итак, методологический национализм мешает исследователям увидеть колонизацию как процесс, связавший мир воедино⁶. В ходе этого процесса сформировалась сложная система взаимодействия, включавшая население *всех* территорий. Привычный же взгляд центрирован на метрополиях, в силу чего миграции и предстают как нечто побочное и более-менее случайное.

Хотя Виммер и Глик Шиллер и представили свою теоретическую программу как относящуюся к социальной науке вообще, их собственный фокус зрения находится именно в сфере миграционных исследований. Однако их призыв к отказу от методологического национализма был подхвачен представителями теоретической социологии. В их числе — Ульрих Бек.

6. Читая эти строки, трудно удержаться от того, чтобы не вспомнить об Андре Гундере Франке и других (нео)марксистах, в работах которых этот тезис получил систематическую разработку. См.: Франк А. Г. Развитие неразвитости. URL: <http://left.ru/2005/9/frank126.phtml>.

Центральная мысль этого плодovitого автора заключается в следующем: национальное государство не может быть инстанцией, способной ответить на вызовы, которые несет с собой современное развитие (в его терминологии — Второй модерн). Выход за пределы нациоцентризма необходим уже по инструментально-прагматическим соображениям. (Нормативные соображения пока оставим за скобками.) Если не перейти с националистической на космополитическую (она же — «транснациональная» и «постнациональная») точку зрения, человечество попросту не выживет. Автор многократно возвращается к своему тезису, выдвинутому еще в «Обществе риска» (1986)⁷, находя для него новые и новые формулировки. Приведем одну из самых удачных: «повседневное пространство опыта человечества возникает не как любовная связь всех со всеми; оно возникает и существует в воспринимаемых бедах глобальных последствий цивилизационной деятельности»⁸.

«Транснационализм»: руководство к (зло)употреблению

Публикации, в заголовках которых в том или ином контексте фигурировало слово «транснационализм», стали появляться с начала 1990-х. Пионерами здесь выступили вышеупомянутые социальные антропологи. Однако к многообещающему термину охотно обращались и представители других областей общественных наук. Бум соответствующей литературы приходится на вторую половину нулевых — тогда ежегодно выходило по несколько книг и несколько сот статей, авторы которых присягали на верность новому «изму»⁹. При этом семантика термина была крайне расплывчатой (не всегда было ясно даже, идет ли речь об особом *предмете* или об особом *методе* исследований). Поэтому, когда Стивен Вертовек предпринял попытку систематизировать накопленное знание о «транснационализме», обнаружилось, что подобного

7. См.: Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

8. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. М.: Территория будущего, 2007. С. 70.

9. Обзор см.: Briggs L. et al. Transnationalism: A Category of Analysis // American Quarterly, 2008. Vol. 60. № 3.

ясно очерченного феномена, строго говоря, не существует¹⁰. Имя «транснационализм» есть лишь пустое вместилище для огромного количества разных явлений. Транснациональный капитал (коль скоро речь идет о финансовом капитале, который транснационален по определению), транснациональные корпорации (раньше именовавшиеся «многонациональными»), транснациональная буржуазия, транснациональная бюрократия, транснациональная культура и т. д. Очевидно, что все эти феномены уже давно и успешно анализируются посредством словаря «глобализации». Нового «изма» для этого не требуется.

Чтобы не быть голословными, воспроизведем тот список референтов термина «транснационализм», который составил Вертовек:

(1) «социальная морфология» — читай: формы социальной организации, пересекающие национальные границы. Это, в частности, (а) диаспоры, (б) социальные сети, возникающие благодаря информационным технологиям, а также (в) все то, что «транснационализмом» называют в Министерстве обороны США: терроризм, международные ОПГ, наркотрафик, индустрия порнографии и т. д.;

(2) тип сознания (здесь автор ссылается на работы выше упомянутых социальных антропологов), новые типы субъективности (далее следуют ссылки на работы Стюарта Холла, Аппадурай и Гилроя);

(3) форма воспроизводства культуры (культурное потребление поверх границ — кабельное и спутниковое телевидение, интернет-сообщества и т. д.);

(4) направления движения капитала (будь то посредством деятельности ТНК или денежных переводов, осуществляемых мигрантами);

(5) приложение политической активности — это, прежде всего, «глобальная публичная сфера», олицетворением которой служат межправительственные организации и влиятельные НКО;

(6) реконструкция «места» или локальности — здесь имеются в виду (а) социальные поля, несводимые к пространству одной страны (снова ссылка на работы Нины Глик Шиллер и ее коллег) и (б) «транслокальность» в смысле, вкладываемом в это слово Арджуном Аппадурай.

10. См.: Vertovec S. *Conceiving and Researching Transnationalism*// *Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22. № 2. P. 447–462; Позднее эта статья была расширена до книги: см.: Vertovec S. *Transnationalism*. L., N. Y.: Routledge, 2009.

Существует, правда, одно научное направление, в котором понятие «транснационализм» доказало свою эвристичность. Это миграционные исследования. Подводя предварительный итог дискуссии 1990-х, Алехандро Портес зафиксировал, в частности, что «транснационализм» обозначает не новую реальность, а новую перспективу анализа этой реальности¹¹. Явление, именуемое данным словом, существует достаточно давно — пусть и не в столь отчетливых формах, как сегодня; однако до сих пор исследователям не доставало адекватных инструментов для его изучения. Новый словарь — «транснациональные социальные поля», «транснациональный опыт», «транснациональные сети» — такие инструменты предоставляет.

За прошедшие два десятилетия методология «транснационализма» (а также транслокализма) прочно утвердилась в мировом миграциеведении¹², в том числе и в России¹³.

В ходе апробирования концепта «транснационализм» в миграционных исследованиях были выявлены как его достоинства, так и его изъяны. В частности, критики указывали на то, что данная оптика приглашает мыслить «транснациональные сообщества» (раньше их именовали «диаспорами») как некие целостности — как если бы они не были разделены по социально-классовому признаку. Коль скоро мы выделили в качестве базовой единицы анализа транснациональное мигрантское сообщество, мы рискуем упустить из виду властные отношения — отношения иерархии, соподчинения (и, возможно, эксплуатации) между конкретными группами мигрантов.

Кроме того, в ходе ревизии инструментария «методологического транснационализма» ряд ученых указали на опасность недооценки той роли, которую играют национальные государства. Транснациональные социальные поля, изучаемые приверженцами этой методологии, формируют-

11. The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promises of Emergent Research Field // *Ethnic and Racial Studies* / Portes A. et al (eds). 1999. Vol. 22. № 2. P. 217–237.

12. См.: Dahinden J. Transnationalism Reloaded: The Historical Trajectory of the Concept // *Ethnic and Racial Studies*. 2017. Vol. 40. № 9. P. 1474–1485.

13. До недавнего времени большинство российских мигрантоведов не обращались к этой теоретической рамке. Прорывом стала публикация результатов исследовательского проекта, работавшего под руководством Сергея Абашина: «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслочальность / Под ред. С. Абашина, О. Бредниковой. М.: НЛО, 2020.

ся не вопреки национальным государствам и не помимо их, но зачастую при их активном участии¹⁴.

Вообразить постнациональный мир

Глядя сегодня на академический ландшафт 1990-х, трудно не поразиться тому, как много тогда выходило работ о прекрасном новом мире. Обозримое будущее виделось тогда как либеральное, гуманистическое, космополитическое и постнациональное. (Триггером подобных настроений послужили, конечно, исчезновение с карты мира советской «империи зла», в ходе которого Москва провозгласила о своей приверженности тем же ценностям, что и ее контрагенты из НАТО, и подписание Маастрихтского договора, запустившего процесс создания Европейского союза). На этом эмоциональном фоне появилось множество публикаций на тему «денационализации гражданства» и «постнационального гражданства». Строго говоря, подобные выражения представляют собой противоречие в определении, ведь понятие гражданства означает связь индивида с государством. Что же имели в виду уважаемые авторы — среди них Саския Сассен и Ясмин Сойсал¹⁵, вводя в оборот столь странные термины? Дело в том, что в их понимании феномен гражданства находится не столько в политико-юридической, сколько в политико-философской плоскости. Понятие «гражданство» указывает на принадлежность, членство индивида в сообществе (в том числе в сообществе национальном). А коль скоро это так, они как внимательные исследователи с социологическим воображением, зафиксировали ряд тенденций, связанных с несовпадением границ принадлежности. Как показала Сассен на примере сальвадорских недокументированных мигрантов в США, можно быть де-факто членом сообщества, не будучи им де-юре, а именно восприниматься окружением как неотъемлемая часть определенного сообщества и самому считать себя его членом, но при этом не иметь паспорта страны проживания. Иными сло-

14. *Dahinden J.* Transnationalism Reloaded: The Historical Trajectory of the Concept; *Brubaker R.* Introduction//Idem. *Grounds for Difference*. Cambridge, L.: Harvard University Press, 2015. P. 7.

15. *Soysal Y.* Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Membership in Europe. Chicago: University of Chicago Press, 1994; *Sassen S.* Towards Post-National and Denationalized Citizenship//Handbook of Citizenship Studies/E.F. Isin, B.S. Turner (eds). L.: Sage, 2002. P. 277–291.

вами, эти люди фактически принадлежат своему окружению на уровне района, графства или штата, но юридически являются «нелегалами». В то же время, будучи в формально-юридическом отношении гражданами Сальвадора, они по факту перестали принадлежать этой стране — бежав отсюда из-за невыносимых условий жизни, политического террора, пыток и проч.

Обратимся теперь к работе Сойсал (надо сказать, имевшей в свое время зашкаливающий индекс цитирования). Исследовательница выдвинула три аргумента в пользу своей позиции. Во-первых, феномен *denizens*. Это индивиды, постоянно проживающие на территории той или иной страны Евросоюза. Не будучи гражданами этой страны, они тем не менее обладают полным объемом прав и свобод, включая социальные и даже политические права. (С тех пор как многие страны ЕС внесли изменения в свои избирательные законы, иностранцы с видом на жительство могут и участвовать в выборах, и быть избранными в органы власти местного уровня.) Во-вторых, государство перестает выступать единственной инстанцией, обеспечивающей соблюдение прав человека. Появляются наднациональные институты, берущие на себя эту роль, к которым индивиды апеллируют в случае несоблюдения своих прав (ЕСПЧ, Управление Верховного комиссара по правам человека ООН и т. д.). В-третьих, институционализация культурных прав (или «права на идентичность»). Если прежде государства суверенно определяли, какой будет судьба этнических меньшинств на их территории, то теперь они являются участниками международных договоров, обязывающих сохранять культурную самобытность меньшинств.

Впрочем, доводы Сойсал несложно поставить под сомнение — что и было сделано критиками¹⁶. Коллеги указали на то, что появление наднациональных институтов, гарантирующих соблюдение прав человека, не отменяет значимости национальных институтов. Именно национальное государство, а не ООН или ЕСПЧ будет выплачивать вам пенсию, пособие по безработице и прочее. Кроме того, при всей важности документов международного права (и даже признании их приоритетности перед правом национальным) его нормы могут быть имплементированы лишь в той мере, в какой на то есть воля национальных государств. И не в по-

16. Hansen R. The Poverty of Postnationalism: Citizenship, Immigration and the New Europe // *Theory and Society*. 2009. Vol. 38. № 1. P. 1–24.

следнюю очередь это касается возможностей для членов культурных меньшинств реализовать свое право на идентичность.

С доводами в пользу того, что постнациональный мир может и должен быть предметом возможного осмысления, в ту пору выступали и философы. В 1998 году Юрген Хабермас прочел лекцию с красноречивым названием: «Постнациональная констелляция и будущее демократии»¹⁷. Прежде чем обсудить основные положения этого хрестоматийного текста, коснемся интеллектуального пространства, в котором он появился. Контекст для него задавали авторы, идеологический профиль которых можно охарактеризовать как *неолиберальный глобализм*. Согласно этой нехитрой философии всемирное распространение саморегулирующегося рынка, вкупе с прогрессом высоких технологий, неизбежно ведет к закату и национального государства¹⁸. Понятно, что для Хабермаса, как человека социал-демократических убеждений, подобного рода позиция неприемлема. Он не может приветствовать того обстоятельства, что государства, пытаясь адаптироваться к глобальным финансовым рынкам, отказываются от социальной ответственности. Ведь переставая служить честным арбитром в споре труда и капитала, они, по сути, играют на стороне капитала.

Однако немецкий философ оппонирует не только рыночному фундаментализму неолибералов, но и его идеологическому оппоненту — неонационализму. Последний, верно ставя вопрос (о демонтаже институтов социальной защиты), дает на него неверный ответ. А именно пытается обратить время вспять, вернув государству тот объем суверенитета, которым оно обладало еще в середине XX столетия.

Итак, консервативно-националистический ответ на неолиберальный глобализм — не выход. Выход может быть найден лишь на пути продумывания желаемых контуров общечеловеческого постнационального будущего.

Напомним, что Хабермаса занимает не столько само «постнациональное состояние», сколько то, какими могут быть последствия этого состояния для демократии. Сама

17. Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 4–5. С. 105–152.

18. Из типичных образчиков такого рода литературы — работы экономиста Кеничи Омае. См.: Omae K. The End of the Nation-State: The Rise of the Regional Economies. N.Y., L.: The Free Press, 1995.

постановка вопроса, как кажется, отдает идеалистическим благодушием (автор, кстати, выстраивает вполне прозрачные аллюзии на размышления Канта об истории во всемирно-гражданском плане). Но Хабермас, во-первых, сразу парирует этот упрек. Да, говорит он, из истории мы знаем, что демократические формы социальной организации до сих пор были возможны только в границах территориальных государств. Самоуправляющийся демос всегда представлял собой определенную нацию. Однако стоит учитывать, сколь искусственной была такая вещь, как национальная идентичность. Для того чтобы она сформировалась, нужны были огромные усилия. Индивиды, принадлежавшие различным этническим сообществам, *научились* считать себя членами единой нации. Почему мы должны думать, спрашивает Хабермас, что такой процесс *обучения* не может быть продолжен и что люди не начнут формировать социальную солидарность поверх национальных границ?¹⁹

Во-вторых, разговор о перспективах демократического самоуправления в постнациональном институциональном изводе Хабермас, по сути, ограничивает разговором о перспективах Европейского союза. ЕС представляет собой исторически первую попытку создать наднациональное политическое объединение — такой тип общности, который не является ни конгломератом наций-государств, ни супергосударством. (Обратим внимание, что на момент публикации обсуждаемого текста Евросоюз находился на начальных этапах формирования — не существовало даже общеевропейской валюты.) Вопрос для Хабермаса стоит следующим образом: если опыт построения нового типа общности в континентальной Европе окажется успешным, можно будет дальше размышлять о контурах постнационального будущего; если этот эксперимент провалится, подобные размышления станут беспредметными.

Хабермас не одинок в своем визионерстве по поводу условий возможности постнациональной Европы. С его тезисами во многом пересекаются мысли Этьена Балибара.

Одна из статей, вошедших в его знаменитый сборник «Мы, народ Европы», провокативным образом называется «Демократическое гражданство или народный суверени-

19. Постнациональная констелляция и будущее демократии. С. 143.

тет»²⁰. Что позволило французскому философу противопоставить эти вещи друг другу? Он исходит из понимания гражданства, которое заложили Руссо и Кант (и которое определяет «нормативное самопонимание конституционных демократий»). В этом понимании есть два конкурирующих друг с другом элемента. С одной стороны, права человека. Они суть моральное, или, если угодно, морально-правовое, основание тех гарантий, которые индивид получает в момент его инкорпорирования в конституционный порядок. С другой стороны, суверенитет народа. Он представляет собой политическое основание существования публичной сферы и ее автономии по отношению к частным интересам. Эти два элемента могут вступать в противоречие друг с другом. В частности, принцип суверенитета народа может использоваться для нарушения прав отдельных людей (а сам народ понимается как эманация государства).

Отсюда особый смысл, вкладываемый Балибаром в выражение «европейское гражданство» (или «Европа граждан»). Европейское гражданство — это не про общий формат паспортов Европейского союза, а про включенность рядовых европейцев (если угодно, народных масс) в процесс принятия решений, касающихся ключевых вопросов их общей жизни. «Европейское гражданство “невозможно” кроме как через прогресс в фундаментальных демократических правах и демократической власти в “европейском” масштабе»²¹. Европа граждан — идея, которую, как кажется, невозможно реализовать, говорит Балибар. (При этом слово «невозможно» он берет в кавычки.) Европа граждан — это смысловой горизонт. Это нормативный ориентир действия, установка, цель, сохраняющая значимость независимо от того, насколько она осуществима в данный момент. Итак, несмотря на то что европейское гражданство — в смысле полноценного демократического участия — невозможно, за него тем не менее нужно бороться. «То, о чем я говорю, — это не статьи договоров и не программы партий или правительств. Скорее, это программа того, как можно “помыслить” Европу <...> Если угодно, я говорю о перспективе мысли для интеллектуалов, но интеллектуалов достаточно “органических” в смысле Ан-

20. См.: *Balibar E. We, the People of Europe? Reflexions on Transnational Citizenship*. Princeton: Princeton University Press, 2004. P. 180–202.

21. *Balibar E. We, the People of Europe? Reflexions on Transnational Citizenship*. P. 162.

тонио Грамши, то есть таких, которые и лично, и институционально (в том числе через университет) вовлечены в борьбу за изменение Европы. Иногда меня подмывает сказать — за “спасение Европы”, но от подобного пафоса лучше воздержаться»²².

Самодовольство привилегированных vs солидарность обездоленных: к перезагрузке космополитизма

Полемика с национализмом, о которой до сих пор шла речь, велась преимущественно в эпистемологической плоскости. Нациоцентричная оптика подвергалась критике главным образом за ее аналитическую недостаточность. Однако в этой критике имелась и нормативная составляющая. В глазах многих ученых национализм неприемлем не только как методология, но и как идеология, мировоззрение. Национализм служит разделению угнетенных по этническому или этноконфессиональному признаку, тем самым блокируя возможность их солидарности и цементируя существующие конфигурации власти. Поэтому всякий, кто всерьез озабочен проблематикой борьбы за социальную справедливость, не может не искать альтернативы национализму.

Но так сложилось, что репутация главного оппонента национализма — космополитизма — сильно «подмочена». Сам этот термин сегодня многим покажется в лучшем случае подозрительным. Начнем с того, что он прочно ассоциируется с либеральным прекраснодушием — абстрактными рассуждениями о моральных преимуществах перспективы гражданина мира перед перспективой националиста, обычно сопровождаемыми обильными ссылками на античных философов и цитатами из Канта²³. Кроме того, адептами космополитизма вот уже не первое десятилетие выступают эдакие «хипстеры от социологии»²⁴, адресующие

22. Balibar E. We, the People of Europe? Reflexions on Transnational Citizenship. P. 161.

23. Яркая иллюстрация — публикации Марты Нуссбаум. См.: Нуссбаум М. Патриотизм и космополитизм // Логос. 2006. № 2 (53). С. 110–119; Она же. Ответ критикам // Там же. С. 132–140.

24. Типичный образчик — Ричард Флорида. См.: Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М.: Strelka Press, 2014 (ори-

свои послания только победителям в рыночной гонке — «лузеры» заведомо не в счет. Эта картина предполагает разделение на продвинутых, открытых к новому и толерантных к инаковости космополитов и их отсталых, закрытых, ксенофобски настроенных контрагентов. Похоже, что перед нами универсалистские иллюзии элит, выдающих собственную (партикулярную) позицию за универсальную и упрекающих в «партикуляризме» всех, кто данной позиции не разделяет.²⁵ Но на этом подозрения в отношении космополитического дискурса не заканчиваются. Ведь сложно не заметить, насколько он полезен в обслуживании машины идеологической гегемонии, успешно маскирующей империалистическую внешнюю политику под заботу об осуществлении «глобальной справедливости»²⁶. Неудивительно, что те, кто не является бенефициаром существующих отношений господства — прекариат внутри самих западных стран или население разбомбленных в рамках очередной «гуманитарной интервенции» регионов Ближнего Востока, — тяготеют скорее к националистическому, чем к космополитическому мировоззрению.

Есть ли в этой ситуации шансы вернуть «космополитизму» привлекательность? В том, что это возможно, убеждена целая группа левых интеллектуалов, не так давно выступившая с проектом перезагрузки космополитизма²⁷. В чем она заключается?

Первое. Космополитизм — это не про общность ценностей, а про общность опыта. В том числе опыта прекарности.

Второе. Космополитическое сознание — это не про толерантность и признание различий. Это про точки совместности (*domains of commonality, domains of mutuality*). Про дома, сферы жизни, в которых люди чувствуют и действуют сообща.

Третье. Коль скоро посредством определения «космополитический» мы описываем формы солидарности по-

гинал 2008). Справедливости ради надо заметить, что в своих поздних работах Р. Флорида озабочен проблемами социального неравенства и городской сегрегации.

25. С критикой этих классовых иллюзий выступил в свое время Крейг Калхун. См.: Calhoun C. The Class Consciousness of Frequent Travellers: Towards a Critique of Actually Existing Cosmopolitanism // D. Archibugi and M. Koenig-Archibugi (eds). *Debating Cosmopolitics*. L., N.Y.: Verso, 2003. P. 86–116.

26. Симптоматично, как в администрации Дж. Буша-младшего предлагали назвать военную операцию в Ираке в 2003 г., — *Infinitive Justice*.

27. См.: Glick Schiller N., Irving A. (eds). *Whose Cosmopolitanism: Critical Perspectives, Relationalities and Discontents*. N.Y.: Berghahn Books, 2015.

верх этнических и национальных границ, уместно присмотреться к тому, как подобные солидарности формируются на нижних этажах социальной иерархии.

Одна из последних крупных работ Глик Шиллер, написанная в соавторстве с Айше Чаглар, носит красноречивое название *Solidarity of Dispossessed*. Это можно было бы передать на русский как «солидарность обездоленных», если бы в итоге не пропадала аллюзия на формулу Дэвида Харви «накопление через изъятие» (*accumulation through dispossession*), с помощью которой ученый описывает механизм функционирования неолиберальной глобализации²⁸. Коллектив антропологов вел (на протяжении 19 лет) лонгитюдные исследования социальных трансформаций в трех депрессивных городах трех стран (один в Турции, один в США и один в бывшей Восточной Германии)²⁹. Уязвимые группы мигрантов, попадавшие в эти города, обычно пополняли ряды местных социально не защищенных слоев. Они селились в тех же районах и вели тот же образ жизни, что и местные обездоленные. Примечательно, что в их жизни, наряду с историями столкновения с расизмом и дискриминацией, всегда присутствовали люди, которых исследователи обозначили как «помощников» (*helpers*), а сами мигранты называли «друзьями». Это старожилы данных районов, либо из числа местного населения, либо из мигрантской среды. Последние, как правило, не принадлежали к той же этнической или конфессиональной группе, что и мигранты. Это не мешало им идти на серьезные жертвы, помогая новоприбывшим, — одеждой, предоставлением крова, переводом документов, поиском работы и т. д. Перед нами формы деятельности, которые исследователи называют «реально существующим космополитизмом».

Итак, космополитизм имеет место там и тогда, где и когда происходит формирование солидарностей поверх «естественных» разделений. В теоретическом плане в этом и состоит альтернатива национализму. В национализме и космополитизме (точнее, «критическом космополитизме») по-разному оцениваются возможности солидарности. Националистический взгляд находит условие такой возможности в самом факте общности. Индивиды — в силу того, что ощущают себя членами своей общности (на этнической или

28. Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Oxford, 2004.

29. См.: Çağlar A., Glick Schiller N. Migrants and City-Making: Dispossession, Displacement and Urban Regeneration. Durham, L.: Duke University Press, 2018.

расовой основе), способны испытывать солидарные чувства друг к другу. Критико-космополитический взгляд заключается в том, что солидарность может возникать из *общего несогласия с угнетением* (в каких бы формах последнее ни проявлялось). Сообщество, таким образом, не предшествует солидарности, а является результатом процесса ее формирования.

Библиография

- «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность / Под ред. С. Абашина, О. Бредниковой. М.: НЛЮ, 2020.
- Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. М.: Территория будущего, 2007.
- Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Виммер А., Глик Шиллер Н. Методологический национализм и за его пределами: нациостроительство, миграция и общественные науки // Социология власти. 2021. Т. 33. № 2. С. 184–232.
- Кагарлицкий Б. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2005.
- Нуссбаум М. Патриотизм и космополитизм // Логос. 2006. № 2 (53). С. 110–119.
- Нуссбаум М. Ответ критикам // Логос. 2006. № 2 (53). С. 132–140.
- Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М.: Strelka Press, 2014.
- Франк А.Т. Развитие незрелости // Left.Ru. 09.2005. URL: <http://left.ru/2005/9/frank126.phtml>.
- Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. Философско-литературный журнал. 2003. № 4–5. С. 105–152.
- Agnew J. The Territorial Trap: The Geographical Assumptions of International Relations Theory // Review of International Political Economy. 1994. Vol. 1. № 1. P. 53–80.
- Appadurai A. Global Ethnospaces: Notes and Queries for a Transnational Anthropology // Recapturing Anthropology / R. Fox (ed.). Santa Fe, NM: School of American Research Press, 1991. P. 191–210.
- Balibar E. We, the People of Europe? Reflexions on Transnational Citizenship. Princeton: Princeton University Press, 2004.
- Bash L., Click Schiller N., Szanton Blank C. Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments and Deterritorialized Nation-States. Amsterdam: Gordon & Breach, 1994.
- Briggs L., McCormick G., Way J. T. Transnationalism: A Category of Analysis // American Quarterly. 2008. Vol. 60. № 3. P. 625–648.
- Brubaker R. Introduction // Idem. Grounds for Difference. Cambridge; L.: Harvard University Press, 2015.
- Çağlar A., Glick Schiller N. Migrants and City-Making: Dispossession, Displacement and Urban Regeneration. Durham; L.: Duke University Press, 2018.
- Dahinden J. Transnationalism Reloaded: The Historical Trajectory of the Concept // Ethnic and Racial Studies. 2017. Vol. 40. № 9. P. 1474–1485.
- Gilroy P. Cultural Studies and Ethnic Absolutism // Cultural Studies / L. Grossberg, C. Nelson, P. Treichler (eds). L.: Routledge, Chapman and Hall Inc, 1992. P. 187–198.
- Glick Schiller N., Bash L., Blanc-Szanton C. Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity and Nationalism Reconsidered // An-

- nals of the New York Academy of Sciences. Vol. 645, Issue 1. July 1992. P. ix-xv; 1-24.
- Glick Schiller N., Çağlar A. Displacement, Emplacement and Migrant Newcomers: Rethinking urban Sociabilities Within Multiscalar Power // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2016. Vol. 23. № 1. P. 17-34.
- Hannerz U. Cosmopolitans and Locals in World Culture // *Theory, Culture and Society*. 1990. Vol. 7. № 2-3. P. 237-251.
- Hansen R. The Poverty of Postnationalism: Citizenship, Immigration and the New Europe // *Theory and Society*. 2009. Vol. 38. № 1. P. 1-24.
- Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Omae K. The End of the Nation-State: The Rise of the Regional Economies. N.Y., L.: The Free Press, 1995.
- Portes A., Guarnizo L.E., Landolt P. The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promises of Emergent Research Field // *Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22. № 2. P. 217-237.
- Sassen S. Towards Post-National and Denationalized Citizenship // *Handbook of Citizenship Studies* / E. F. Isin, B. S. Turner (eds). L.: Sage, 2002. P. 277-291.
- Soysal Y. Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Membership in Europe. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Vertovec S. Conceiving and Researching Transnationalism // *Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22. № 2. P. 447-462.
- Vertovec S. Transnationalism. L., N.Y.: Routledge, 2009.
- Whose Cosmopolitanism: Critical Perspectives, Relationalities and Discontents / N. Glick Schiller, A. Irving (eds). N.Y.: Berghahn Books, 2015.

From “Trans-” and “Post-nationalism” to “Critical Cosmopolitanism”. Notes on the Controversy Over Nationalism in the Western Academy

Vladimir Malakhov. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia, malakhov-vs@ranepa.ru.

This article provides an overview of theoretical efforts to overcome nation-centrism that have been undertaken in various fields of social science, including political science, *cultural studies*, social anthropology and macrosociology, migration studies, and social philosophy, from the 1990s. The opposition to nationalism, characteristic of the academic literature of that time, was conducted mainly on the epistemological plane; i.e., within the framework of polemics engaging “methodological nationalism”. The researchers who defended the positions of “transnationalism” and/or “post-nationalism” dissociated themselves from nation-centric perspectives to the extent that they hindered the productive analysis of transformations of social reality. However, there was an ideological and normative component to this dissociation. Nationalism was unacceptable for many scientists both as a methodology and also as a worldview. Since cosmopolitanism was the main opponent of the nationalist worldview, critics of nationalism were obliged to turn to its associated concepts. The problematic nature of such an appeal, however, lies in the fact that the cosmopolitan tradition of Western academic literature developed mainly within a liberal ideological fold. This led toward efforts to reset cosmopolitanism as an articulation of the left-leaning agenda. This present article focuses on “critical cosmopolitanism”. If the nationalist view sees the condition for the possibility of solidarity in the very fact of community, then the critical-cosmopolitan view is that solidarity can arise from a general disagreement with oppression (in whatever forms the latter may man-

ifest itself). Community, therefore, does not precede solidarity, but is the result of the process of its formation. The author of the article analyses and revises the terms necessary to discuss the formation of solidarity and the fight against oppression, and offers an attempt to comprehend the possibility of a post-national world.

Keywords: *transnationalism; post-nationalism; methodological nationalism; social solidarity; cosmopolitanism.*

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-3-211-232

References

- “Zhit’ v dvukh mirakh”: *pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal’nost’* [Living in Two Worlds: Rethinking Transnationalism and Translocality] (eds S. Abashin, O. Brednikova), Moscow, New Literary Observer, 2020.
- Agnew J. The Territorial Trap: The Geographical Assumptions of International Relations Theory. *Review of International Political Economy*, 1994, vol. 1, no. 1, pp. 53–80.
- Appadurai A. Global Ethnospaces: Notes and Queries for a Transnational Anthropology. *Recapturing Anthropology* (ed. R. Fox), Santa Fe, NM, School of American Research Press, 1991, pp. 191–210.
- Balibar E. *We, the People of Europe? Reflexions on Transnational Citizenship*, Princeton, Princeton University Press, 2004.
- Bash L., Click Schiller N., Szanton Blank C. *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments and Deterritorialized Nation-States*, Amsterdam, Gordon & Breach, 1994.
- Beck U. *Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity], Moscow, Progress-Traditsiya, 2000.
- Beck U. *Vlast’ i ee opponenty v ehpokhu globalizma* [Power in the Global Age], Moscow, Territoriya budushchego, 2007.
- Briggs L., McCormick G., Way J. T. Transnationalism: A Category of Analysis. *American Quarterly*, 2008, vol. 60, no. 3, pp. 625–648.
- Brubaker R. Introduction. Idem. *Grounds for Difference*, Cambridge, London, Harvard University Press, 2015.
- Çağlar A., Glick Schiller N. *Migrants and City-Making: Dispossession, Displacement and Urban Regeneration*, Durham, London, Duke University Press, 2018.
- Dahinden J. Transnationalism reloaded: the historical trajectory of the concept. *Ethnic and Racial Studies*, 2017, vol. 40, no. 9, pp. 1474–1485.
- Florida R. *Kto tvoi gorod? Kreativnaya ehkonomika i vybor mesta zhitel’sstva* [Who’s Your City?: How the Creative Economy Is Making Where You Live the Most Important Decision of Your Life], Moscow, Strelka Press, 2014.
- Frank A. G. Razvitie nerazvitosti [Developing Undevelopment]. *Left.Ru*, September, 2005. URL: <http://left.ru/2005/9/frank126.phtml>.
- Gilroy P. Cultural Studies and Ethnic Absolutism. *Cultural Studies* (eds L. Grossberg, C. Nelson, P. Treichler), London, Routledge, Chapman and Hall Inc, 1992, pp. 187–198.
- Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C. Towards a transnational perspective on migration: race, class, ethnicity and nationalism reconsidered. *Annals of the New York Academy of Sciences*, July 1992, vol. 645, iss. 1, pp. ix–xv, 1–24.
- Glick Schiller N., Çağlar A. Displacement, emplacement and migrant newcomers: Rethinking urban sociabilities within multiscalar power. *Identities: Global Studies in Culture and Power*, 2016, vol. 23, no. 1, pp. 17–34.
- Habermas J. Postnatsional’naya konstellyatsiya i budushchee demokratii [The Postnational Constellation and the Future of Democracy]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2003, no. 4–5, pp. 105–152.

- Hannerz U. Cosmopolitans and locals in world culture. *Theory, Culture and Society*, 1990, vol. 7, no. 2-3, pp. 237-251.
- Hansen R. The Poverty of Postnationalism: Citizenship, Immigration and the New Europe. *Theory and Society*, 2009, vol. 38, no. 1, pp. 1-24.
- Harvey D. A Brief History of Neoliberalism, Oxford, Oxford University Press, 2005.
- Kagarlitsky B. Yu. *Marksizm: ne rekomendovano dlya obucheniya* [Marxism: Not Recommended for Learning], Moscow, Algoritm, EKSMO, 2005.
- Nussbaum M. Otvet kritikam [Reply to critics], *Logos*, 2006, no. 2, pp. 132-140.
- Nussbaum M. Patriotizm i kosmopolitizm [Patriotism and Cosmopolitanism], *Logos*, 2006, no. 2, pp. 110-119.
- Omae K. *The End of the Nation-State: The Rise of the Regional Economies*, New York, London, The Free Press, 1995.
- Portes A., Guarnizo L.E., Landolt P. The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promises of Emergent Research Field. *Ethnic and Racial Studies*, 1999, vol. 22, no. 2, pp. 217-237.
- Sassen S. Towards Post-National and Denationalized Citizenship. *Handbook of Citizenship Studies* (eds E.F. Isin, B.S. Turner), London, Sage, 2002, pp. 277-291.
- Soysal Y. *Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Membership in Europe*, Chicago, University of Chicago Press, 1994.
- Vertovec S. Conceiving and researching Transnationalism. *Ethnic and Racial Studies*, 1999, vol. 22, no. 2, pp. 447-462.
- Vertovec S. *Transnationalism*, London, New York, Routledge, 2009.
- Whose Cosmopolitanism: Critical Perspectives, Relationalities and Discontents* (eds N. Glick Schiller, A. Irving), New York, Berghahn Books, 2015.
- Wimmer A., Glick Schiller N. Metodologicheskii natsionalizm i za ego predelami: natsiostroitel'stvo, migratsiya i obshchestvennyye nauki [Methodological nationalism and beyond: nation-state building, migration and the social sciences]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2021, vol. 33, no. 2, pp. 184-232.